

Мотивика и символика дара/подарка являются одними из самых древних в мировой культуре. Обычно подарок воспринимается и в сфере бытовых отношений, и на языковом уровне как дар бескорыстный. В словаре В.И. Даля «дарить» — это отдавать навсегда безвозмездно, отдать даром, приносить в дар, дать подарок¹. Но в социальной антропологии, аксиологии хорошо известен и такой феномен как *дар ложный*. Известный французский антрополог

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1995. С. 415.

и социолог Марсель Мосс утверждает, что фактически ложный дар широко распространен уже в архаических обществах, где дар внешне добровольный, свободный и безвозмездный в то же время носит характер принудительного и небескорыстного². Жак Деррида указывал, что подлинный дар должен быть воистину «даровым» и не ставить никаких условий, не налагать долговых обязательств для одаряемого. Подарки в обычном понимании, т. е. «бескорыстные», согласно Деррида, — дурные, нездоровые³. Для Деррида такой дар — яд. Согласно учению французского философа, «всегда существует возможность контаминации дара <...> двойником, фантомом или симулякром»⁴, иначе — *ложным даром*.

Дарение в отечественном литературоведении часто рассматривается в аспекте трансформации фольклорных мотивов в авторском тексте и в качестве мотива традиционной культуры. Еще Владимир Пропп отметил, что в русской волшебной сказке даритель, от которого герой получает волшебное средство, испытывает и даже искушает героя. Нередко дар предполагает в ответ от героя оказание услуги или становится результатом обмена⁵.

А вот для отечественной литературы эпохи соцреализма как раз характерно дарение безответное, бескорыстное. Тоталитаризм — дарение без ответа, без взаимности адресата и адресанта. «Тоталитарная литература прославляет тех, кто отдает, ничего не требуя взамен»⁶. Советская литература и культура сталинской эпохи последовательно реализуют данный принцип⁷.

² Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Изд-во «Восточная литература», 1996. С. 83.

³ Цит по: Маккарти Т. Тинтин и тайна литературы. М.: ООО «Ад маргинем пресс», 2013. С. 111-112.

⁴ Жак Деррида в Москве / сост. М. К. Рыклин. М.: РИК «Культура», 1993. С. 172-173.

⁵ Пропп В. Морфология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 51, 93.

⁶ Смирнов И. П. Человек человеку — философ. Спб.: Алетейя, 1999. С. 66.

⁷ Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 208-216.

А как мотивика и символика дара реализуются в творчестве Василия Шукшина? Вопрос вовсе не праздный и не такой уж узкоспециальный. Семиотика дара, конечно, напрямую затрагивает систему ценностей художественного мира Шукшина, что архиважно для его изучения и интерпретации. Кстати, не только художественного мира, если мы обратимся к документальным шукшинским текстам — письмам, рабочим записям, автографам (дарственным надписям) и т. п. Здесь уже мы проникаем в духовный и ценностный мир самого писателя и кинорежиссера. Напомним, что Шукшин вошел в большую литературу на рубеже 1950-60-х гг., когда еще недавно незыблемые клише соцреализма оказались подмочены каплей новых приемов поэтики литературы хрущевской оттепели. Поэтому в творчестве и биографии Василия Шукшина, словно на спиле ствола одного из гигантов леса отечественной литературы, отчетливо видны все пертурбации культуры послевоенного периода. Нельзя не учитывать и момент эвристики: тема дара у Шукшина изучена мало. Например, среди 48 мотивов и символов, отмеченных в соответствующем разделе трехтомного энциклопедического словаря-справочника «Творчество В. М. Шукшина» не нашлось места мотивам и символам, имеющим отношение к дарению и дару⁸.

А ведь связанные с дарением и подарком эпизоды неоднократно встречаются как в текстах художественной прозы, так и в художественном наследии (автографах — дарственных надписях) В. М. Шукшина. Более того, дарение и подарок в творчестве писателя приобретают оригинальную символику ложного дара, устойчиво повторяемую в целом ряде произведений. Отметим особо, что мотив дарения у Шукшина сложен и многоаспектен, и ложный дар — это лишь один из вариантов презентации семантики мотива дара в творчестве писателя. В то же время приводимые нами примеры на материале литературных произведений

⁸ Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В. М. Шукшина. Диалог культур / Науч. ред. А. А. Чувакин; Ред.-сост. О. Г. Левашова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 61-141.

Шукшина и его нехудожественных текстов вполне убедительны и свидетельствуют о повторяемости и даже определенной частотности мотива ложного дара.

Лучше всего для понимания ложного дара Шукшиным подходят нехудожественные тексты писателя — автографы: разного рода надписи *ad hoc*, дарственные и памятные — на книгах, фотографии и т. д. — т. е. тексты, непосредственно сопровождающие акт дарения и становящиеся частью самого дара, подарка.

Сразу несколько дарственных надписей В. М. Шукшина, которые он оставил на книгах (своих и других авторов) и фотографиях, содержат мотив ложного дара. Если следовать концепции Деррида, то автограф как дарственная надпись — это заведомо ложный дар, т. к. он всегда обнаруживает себя как дар. Этот мотив часто усиливается в тексте шукшинского автографа указанием на цель надписи или использованием императива: «Братке Ване на память. И на пользу. Янв<арь> 1970 г. Москва. В. Шукшин»; «Брату Саше Буркину и жене его Наде — от автора. Брат, хочется, чтоб судьба твоя была немного полегче. Март, 1971 г. Москва. В. Шукшин. Прочитай рас-<ска>з «В профиль и анфас»», «Саше — на память (1954-1971 гг.). Москва. В. Шукшин»⁹ и т. п.

В некоторых текстах автографов Шукшиным сознательно или несознательно допущены искажения истины. Такие дарственные надписи ложны в прямом смысле. Например: «Константину Александровичу Чижикову на добрую память. Пока своих книг не написал, а Вернадский умный русский мужик — читайте»¹⁰. Этот автограф, оставленный Шукшиным на книге В. И. Вернадского 23 апреля 1967 г. после встречи с читателями в городской библиотеке Бийска, содержит очевидную неправду. Ведь к 1967 г. были опубликованы уже три книги В. М. Шукшина¹¹.

⁹ Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 9. С. 84-85.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ 1) Шукшин В. М. Сельские жители: Рассказы. — М.: Молодая гвардия, 1963; 2) Шукшин В. М. Живет такой парень. — М.: Искусство, 1964; 3) Шукшин В. М. Любавины: Роман. — М.: Сов. писатель, 1965.

В чем причина подобного ложного утверждения? Возможно, это ирония по отношению к своему писательскому труду. Ведь в 1974 г., за два месяца до смерти, писатель все еще оставался недоволен результатами своей профессиональной деятельности: «Ну, какой результат! За 15 лет работы несколько книжечек куцых, по 8-9 листов — это не работа профессионала-писателя. 15 лет — это почти вся жизнь писательская. Надо только вдуматься в это. Я серьезно говорю, что мало сделано. Слишком мало!»¹².

В еще одном автографе ошибка допущена, скорее всего, неосознанно, тем не менее, она очень символична: «Татьяне Гуммер, старой знакомой (заочно, через папу), — на добрую память и с добрыми пожеланиями. 5 июня <19>74 г. Хутор Мелоклетский (на Дону). Фильм “Они сражались за Родину”¹³». Хутор, где происходили съемки кинокартины, напомним, назывался «Мелологовский». Такая неосознанная ошибка может быть свидетельством отношения к получателю автографа, указанием на отсутствие искреннего желания автора поделить дарственной надписью.

В художественной прозе В. М. Шукшина подарок очень часто — это мнимый, ложный, пустой дар. Обратимся прежде всего к тем рассказам Шукшина, в которых присутствуют дарственные надписи. И здесь характерная семиотика дарственной надписи сохраняется. В одном из ранних рассказов «Экзамен» (1962) приводится дарственная надпись на книге — издании «Слова о полку Игореве»: «Учись, солдат. Это тоже нелегкое дело. Проф. Григорьев»¹⁴. Сам акт дарения книги и дарственная надпись на ней венчают рассказ и являются одной из ключевых его сцен. Но роль автографа выходит за рамки только сюжетного хода. «В рассказе двойниками являются все: и автор «Слова о полку Игореве», и Лермонтов, и профессор, и студент», — утверждает А. И. Куляпин¹⁵. Действительно,

¹² Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 8. С. 211.

¹³ Там же. Т. 9. С. 86.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 95.

¹⁵ Куляпин А. И. Творческая эволюция В. М. Шукшина: монография. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. С. 130.

на параллелизм биографий студента-заочника и легендарного князя Игоря недвусмысленно указывает сам Шукшин, одновременно соотнося студента и с автором «Слова»: «— Как чувствовал себя в плену князь Игорь?! — почти закричал профессор, опять испытывая прилив злости. — Как чувствует себя человек в плену? Неужели даже этого не понимаете?!»

Студент, стоя некоторое время, непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами.

— Понимаю, — сказал он.

— Так. Что понимаете?

— Я сам в плену был.

— Так... То есть как в плену были? Где?

— У немцев.

— Вы воевали?

— Да.

Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор «Слова» был юноша с голубыми глазами. Злой и твердый¹⁶.

В таком смысловом контексте, на первый взгляд, подарок профессора Григорьева — книга с автографом — является бессмысленным, пустым, ложным: он дарит экземпляр «Слова о полку Игореве» двойнику автора произведения, лично пережившему многие коллизии древнего памятника в реальной жизни. Кажется, что дарственная надпись в рассказе выступает пустой, голой фразой, штампом, чей несколько возвышенный стиль дисгармонизирует с реальной ценностью дара. Да и ожидания студента относительно подарка обмануты: «Студент вышел из аудитории. Вытер вспотевший лоб. Некоторое время стоял, глядя в пустой коридор. Зачетку держал в руке — боялся посмотреть в нее, боялся, что там стоит “хорошо” или, что еще тяжелее, — “отлично”. Ему было стыдно.

«Хоть бы “удовлетворительно”, и то хватит», — думал он.

Оглянулся на дверь аудитории, быстро раскрыл зачетку...

¹⁶ Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 1. С. 91.

некоторое время тупо смотрел в нее. Потом еще раз оглянулся на дверь аудитории, тихо засмеялся и пошел. В зачетке стояло: «плохо»¹⁷.

Однако в ранней прозе писателя ложность дара пока не является однозначной. Для сравнения: в позднем рассказе «Ночью в бойлерной» (1974) уже другой профессор — Аркадий Михалыч — готов продать рукопись «Слова» ради покупки норковой шубы для молодой жены: «Любую! — вскричал пьяненький профессор в величайшем горе. — Самую древнюю рукопись!.. «Слово о полку Игореве», если бы имел, — отдал бы, только бы не эта истерика, не этот визг. Все бы отдал!»¹⁸. Вновь автор поднимает тему подарка (норковая шуба для молодой жены профессора), и вновь в контексте этой темы встает «Слово» как эквивалент той цены, которую готов заплатить герой за подарок. Продажа «Слова» в этом рассказе сопоставляется с продажей души черту, а «Слово о полку Игореве», таким образом, для Шукшина становится одной из величайших духовных ценностей.

Обращение к рассказу 1974 года позволяет нам интерпретировать его финал следующим образом. Профессор Григорьев дарит студенту-заочнику не просто книгу, а вещь чрезвычайно дорогую для него и в то же время ценнейший памятник русской духовности. Последнее обстоятельство оставляет надежду, что студент все же прочтет «Слово», осознает его величие и роль в русской культуре.

Еще один интересный и символически емкий пример дарственной надписи встречается в рассказе «Капроновая елочка» (1966), где мотив дарения подвергается еще большей инфернализации. Сюжет этого шукшинского рассказа, напомним, достаточно незамысловат: три спутника, два деревенских и один городской ухажер, напрасно прождав на дороге попутную машину, в ночь под Новый год идут пешком в деревню Буланово. Вдруг начинается метель. Они сбиваются с пути, попадая

¹⁷ Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д.В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 1. С. 94-95.

¹⁸ Там же. Т. 7. С. 98.

в зверосовхоз «Маяк». Утро герои встречают в избе незнакомого хозяина. Городской ухажер, которому автор придает inferнальные черты, напуганный угрозами деревенских парней, исчезает. Герои возвращаются в деревню, идут к вдове Нюрке, чтобы разобраться с ухажером. Но Нюрка одна, ухажер не явился для встречи Нового года. Так все персонажи рассказа остаются без праздника. «Капроновая елочка» — демифологизирующий вариант текста жанра рождественского рассказа (неслучайно произведение имело первоначальное название «В ночь под Новый год»).

Внимание на себя обращает один из эпизодов рассказа. Ночью в избе, в одном из карманов снабженца вместо двух бутылок водки Павел находит «какой-то странный колючий предмет». «Павел вытащил его, зажег спичку — то была маленькая капроновая елочка, увешанная крошечными игрушечками. Елочка была мокрая и изрядно помятая у основания. У крестовинки прикреплена бумажка, и на ней написано печатными буквами: “Нюсе, моей голубушке. От Мити”»¹⁹.

Капроновая елочка — подарок городского ухажера Нюре Чаловой. В рассказе, таким образом, актуализируется мотив рождественского подарка — один из старейших в мировой литературе и культуре. Но мотив дарения осложняется символами эрзаца, заместителя. Искусственная елочка — это эрзац рождественской ели. Отношения городского ухажера и Нюрки — эрзац семьи. Прикрепленная к елочке бумажка с дарственной надписью, без сомнения, — эрзац полноценного общения. Эффективность подобной коммуникации тут же нивелируется автором. Характерно, что записка утром исчезает вместе со снабженцем. Однако содержание дарственной надписи все же доходит до адресата — Нюрки, но с чужих слов и в искаженном виде. «От голубчика Мити» — так Павел перевирает текст надписи в разговоре с Нюрой. В этом шукшинском рассказе автограф (как дарственная надпись) — текст, который выполняет функцию эрзац-общения и, более того, подвергается искажению.

¹⁹ Там же. Т. 3. С. 50.

В жизни самого Шукшина также не раз случались моменты, когда косвенное общение посредством автографа заменяло общение непосредственное, живое. В 1950-е гг. — это общение с матерью и сестрой, а затем и с первой женой, М. И. Шумской, в 1970-е гг. — со старшей дочерью Екатериной.

Семейный союз В. М. Шукшина и М. И. Шумской, как известно, не был удачным. По сути, еще до официального создания (16 августа 1956 г.) судьба его была предрешена: семья нуклеарного типа не приемлет территориального разделения. Шукшин, в то время студент ВГИКа, не собирался возвращаться на малую родину, в Сростки, а Шумская не приняла учебы мужа в Москве. Видимость брака — не что иное, как эрзац-семья, поддерживалась будущим писателем вплоть до начала 1960-х гг. Известные исследователям шукшинские дарственные надписи на фотографиях, адресованных невесте, а потом и жене, периода 1954-1960 гг. малоинформативны и, более того, часто представляют собой цитаты, чужой текст: «Я помню чудное мгновенье». В. Шукшин»; «Что делать? Жениться или не жениться? Москва, Сокольнический переулок, 1954 г.»; «Скучища <зеленая>²⁰, а жить надо! В. Шукшин, 1960»²¹.

В начале 1970-х гг. коммуникация посредством писем и автографов характерна для отношений В. М. Шукшина со старшей дочерью — Е. В. Шукшиной. Исследователям известны 3 дарственные надписи алтайского писателя периода 1972-1973 гг., адресованные Екатерине Шукшиной: «Дочери Кате — от папы. Там, вдали — это моя родина, Катя, и твоих сибирских предков. Будь здорова, родная! Папа В. Шукшин, Москва 1972 г.»; «Доченьке Кате — на светлую любовь и дружбу! В год, когда ты — первоклассница. Когда ты будешь первокурсница, я, бог даст, подарю тебе толстую-толстую книжицу. Будь здорова, моя милая! Папа В. Шукшин. Март 1972 г.»; «Дочери Кате — на долгую, добрую память от отца. Май 1973 г. Белозерск. В. Шукшин»²².

²⁰ Цитата из повести М. Горького «Городок Окуров» (1910).

²¹ Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 9. С. 82.

²² Там же. Т. 9. С. 84.

Общение Шукшина с дочерью, родившейся в 1965 году, в силу определенных причин всегда носило опосредованный характер. Однако в 1972 г. произошло сразу два важных события в жизни Екатерины: 4 марта В. М. Шукшин восстановил отцовство в отношении дочери, и она, наконец, стала носить отцовскую фамилию (ранее носила фамилию матери — Софронова). Кроме того, именно в 1972 г. девочка пошла в школу и научилась читать. Теперь она сама могла прочесть письма и дарственные надписи на книгах, посылаемых отцом. Содержание текстов автографов свидетельствует о стремлении Шукшина подчеркнуть и утвердить родственную связь, причем не только с собой, отцом, но и со всей патриархальной семьей («Там, вдали — это моя родина, Катя, и твоих сибирских предков»), в том числе и с сибирской ее частью (мать — М. С. Куксина и семья сестры). Но и в этом случае полноценное вхождение Е. В. Шукшиной в патриархальную семью писателя не произошло, остановившись лишь на уровне эрзац-семьи, так часто сопровождавшей жизнь Василия Макаровича. Автограф, как мы уже знаем, в мире Шукшина вовсе не устанавливает прочные связи между людьми.

У нас есть основания считать, что сам Шукшин осознавал ложный характер и своих даров. В одном из ранних рассказов — «Игнаха приехал» (1963) — реализован еще один вариант мотива дарения — подарки, которые привозят родным уехавшие некогда в город родственники. С. М. Козлова указывает на искусственность, поддельную суть таких подарков: «Облик и поведение Игнахи подчеркнуто театральны. Он суетливо разыгрывает сценарий: богатые столичные гости, в дорогих ярких нарядах, с богатыми подарками, изумляют деревенскую родню»²³. Подарки Игната родным — не искренний, бескорыстный дар, а лишь демонстрация своего социального статуса, благосостояния. Искусственность подарков — следствие искусственного поведения героя. Игнатий хочет казаться в деревне своим, но вынужден

²³ Козлова С. М. Игнаха приехал // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 20071. С. 112.

подделываться под деревенского жителя, так как давно оторвался от деревенского уклада и вместе с этим от своих корней.

Развитие данного мотива наблюдается в одном из самых известных рассказов писателя — «Срезал» (1970). В тексте Шукшин скрупулезно описывает подарки, которые привез матери «богатый, ученый» кандидат Константин Иванович: «электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки»²⁴. «Столичный гость подлаживается под деревню и привез искусные подделки деревенских предметов»²⁵. Приезд Константина Ивановича в деревню, так же как и Игнатия Байкалова, полон показных деталей и демонстрации благосостояния: «Деревня Новая — небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника...»²⁶. Дар кандидата — дар ложный, фантом, симулякр.

Однако, как это ни покажется странным, подобные элементы поведения были не чужды и самому алтайскому писателю. Его племянник Сергей Зиновьев вспоминал, как дядя любил удивить родню подарками: «<...> мы знали, что на московских подарках он (т. е. В. М. Шукшин — Д. М.) не остановится, и в первый же день шли по сrostинским магазинам, но в начале, конечно же, заходили в книжный. <...> А однажды он купил набор пластинок Федора Ивановича Шаляпина. Проигрывателя у нас не было, и когда в универмаге он увидел «Каравеллу» и купил ее, мы все трое были рады этой покупке, потому что у нас дома были пластинки <...> Днем мы гордо ходили по улицам села, да еще с подарками, которые лёля Вася любил покупать в присутствии нас».²⁷

²⁴ Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 5. С. 72.

²⁵ Козлова С. М. Поэтика рассказов В. М. Шукшина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1992. С. 124.

²⁶ Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 5. С. 72.

²⁷ Цит по: Шукшин В. М. Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. М.: Воскресенье, 1999. С. 459.

Известный сценарист Артур Макаров так вспоминал поездку в Сростки в марте 1963 г. во время акции «Молодые кинематографисты — народу»: «С утра к гостинице <...> подкатили две машины — газик представила кинофикация, а “Волгу” — райком комсомола. <...> В “Волге” катила Ренита Григорьева и туго схваченный за горло ангиной Наум Клейман. <...> У поворота с Чуйского тракта на Сростки “Волга” остановилась, поджидая нас, и Шукшин вылез, походил, крикнув, улыбнулся решительно:

— Я, ребята, сяду в машину пошикарней, а? Для мамашиного удовольствия и соседям поглядеть. По-нашему, по-деревенски — надо»²⁸. Авторская ирония в адрес кандидата Константина Ивановича, как видим, имеет автобиографические корни. Фальшивость своего поведения, а возможно, и дорогих подарков, которыми он старался удивить деревенскую родню, зрелый Шукшин четко осознавал. В еще одном рассказе 1970 г. «Крыша над головой» вновь появляется ложный дар: «прозревший» герой разбираемой пьесы Иван Петров сам поджигает свой дом, однако после того как пожар потушен, он отдает его колхозу под ясли. Поступок героя не понятен большинству актеров театрального кружка. Очевидно, что сам Иван остался без дома, и ясли в сторевшем доме обустроить нельзя. В итоге «Иван, смущенный, но счастливый, подписывает вместе с другими парнями и девочками обязательство: сдать ясли к Новому году»²⁹. Но казенная формулировка и отсутствие указания на время действия рассказа не внушают доверия к тому, что ясли скоро обретут «крышу над головой». Подарок Ивана — дар ложный, более того, бессмысленный и противоречащий нормам традиционного крестьянского менталитета.

Вернемся к рассказу «Капроновая елочка». Подарок Нюрке от городского ухажера — искусственная елочка, эрзац рождественской ели — дар дешевый, мещанский, уровня глиняной кошки с бантиком или нарисованных на черном драпе лебедей,

²⁸ Макаров А. С. Побывка в Сростках // Шукшинский вестник. Вып. 1. Сростки, 2005. С. 172.

²⁹ Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 5. С. 94.

так часто и прямо порицаемый Шукшиным в публицистике («Вопрос самому себе»). Учитывая, что снабженцу в рассказе придаются атрибуты черта, капроновая елочка — это дар черта. Мотив подарка как дара нечистой силы реализован Шукшиным и в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» (1969): «Когда Андрей переступил порожек сарая, свояк Сергей Сергеич вдруг запрыгнул ему на спину и закричал весело:

— Ну-ка — вмах!.. До крыльца.

— Брось!.. — Андрей передернул плечами. — Ну?

Свояк сидел крепко.

— Ну, до крыльца! Ну? — Сергей Сергеич от нетерпения пришпорил в бока Андрею. — Ну!.. Шутейно же. Гоп! Гоп!.. Аллюром! Что, трудно, что ли?

Проклятый мотор! Черт его подсунул, не иначе. Стерва металлическая... Андрей у крыльца чуть не сбросил свояка через голову, чуть не зашиб его об ступеньки, потому что тот, когда скакали, еще и орал:

— Еге-ей! Скакал казак через долину!.. Гоп! Гоп!..»³⁰. Инфернальность, разгул бесовских сил в этом рассказе возможно связать с «говорящей» фамилией свояка: Неверов. Свояк Сергей Сергеевич, оседлавший Андрея, напоминает гоголевского «черта, оседлавшего человека»³¹.

В прозе середины 1960-х гг. и более поздней отношение писателя к дару становится еще определеннее. Мотив ложного дара прямо реализован в романе «Я пришел дать вам волю» (1970). Богатые подарки казаков астраханской знати есть не что иное, как обман и в итоге дорого обойдутся тем, кто их принял: «Степан стоял прямо, в упор смотрел на сидящих за столом.

— А вот дары наши малые, — продолжал он, не оглядываясь.

<...> За столом случилось некое блудливое замешательство. Знали: будет Стенька, будет челом бить, будут дары... Не думали только, что перед столом будет стоять крепкий, напористый

³⁰ Там же. Т. 5. С. 12.

³¹ Куляпин А. И., Левашова О. Г. В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 34.

человек и что дары (черт бы побрал их, эти дары!) будут так обильны, тяжелы... Так захотелось разобрать эти тюки, отнести домой, размотать...»³².

Приведенные нами примеры, возможно, не исчерпывают все тексты Шукшина, но вполне показательны, их достаточно, чтобы утверждать наличие варианта мотива дара в художественном мире писателя — дара ложного, мнимого, который к тому же является атрибутом бесовской, нечистой силы. Источником для происхождения подобной семантики мотива дара могут быть дарственные надписи Шукшина, в которых в свою очередь, могли прямо отразиться психологические и биографические явления, связанные с личностью самого Шукшина. В художественных текстах они получили более опосредованную реализацию. Дарить без каких-либо условий, без наложения долговых обязательств, героям Шукшина в художественном мире часто было так же сложно, как и самому писателю в реальной жизни.

³² Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2014. Т. 4. С. 68.